

- The SAGE handbook of Sociolinguistics / R. Wodak, B. Johnstone, P. Kerswill (Eds). London—USA—India—Singapore: SAGE Publications Ltd, 2011.
- Spears R. Postmes T. Group Identity, Social Influence and Collective Action Online // The Handbook of Psychology of Communication Technology / S. S. Sundar (Ed.). Oxford: Blackwell. 2015. P. 23–47.
- Stroud N. J., Scacco J. M., Muddiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites. // Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. V. 20. № 2. P. 188–203. doi:10.1111/jcc4.12104.
- Tannen D. Conversational style // Psycholinguistic Models of Production / Ed. by Hans Dechert and Manfred Raupach. N. J.: Ablex. 1987. P. 251–267.

**«Интенция»
как психологическая и психолингвистическая
категория**

Н. Д. Павлова

«Интенция» (от *лат.* intentio – намерение, стремление) – категория с долгой историей, обозначающая в философии и психологии активность сознания, направленность сознания на предмет (Ф. Brentano, Э. Гуссерль). Сложилось также традиция употребления этого термина в более узком значении – направленность на цель (А. Н. Леонтьев), намерение (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональность, или, по Рубинштейну, предметная направленность, составляет неотъемлемое свойство сознания. В силу этого фундаментального свойства сознание – это не пассивное отражение, но отражение и отношение, пристрастное отражение, которое способно мотивировать деятельность (Рубинштейн, 2003).

«Интенция», понимаемая как устремленность сознания к миру, выступает более общим понятием по отношению к таким категориям, как «мотив», «цель», «отношение», которые отражают различные аспекты интенции. Так, категории мотива и цели отражают регуляторную функцию интенции по отношению к деятельности. Понятие отношения – избирательность и оценочную роль интенции применительно к различным предметам.

История понятия восходит к схоластике, различавшей реальное и интенциональное (умственное) существование объекта. В XIX в. термин был вновь введен в науку Ф. Brentano, в концепции которого интенциональность выступает сущностным свойством психических

феноменов, означая отнесенность актов сознания к определенному — реальному или воображаемому — предмету. Понятие интенции разрабатывалось в теории предметности А. Мейнонга, трактовавшего предмет как данность объекта в переживании (представлении, чувстве, желании). Переживание, модус заинтересованности в рассмотрении объекта составили основу введения интенциональности в аппарат феноменологии Э. Гуссерля, где эта категория является ключевой.

Концептуальные системы Brentano и Гуссерля оказали значительное влияние не только на философию и методологию гуманитарных исследований в целом, но и на психологию — анализ мышления в Вюрцбургской школе, гештальтпсихологию, персонализм и др. (Алмаев, 2006; Кириллова, Орлов, 2010).

Важное значение интенциональности придается и в исследованиях языка (Дж. Остин, Дж. Серль, А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков и др.). Если в первой половине XX в. под влиянием позитивистских установок значение языковых выражений признавалось объективным, статическим, независимым от каких-либо переживаний субъекта, то в дальнейшем актуализировался вопрос об интенциональной составляющей семантического содержания. Новаторской стала работа П. Грайса, противопоставившего устойчивому «классическому» значению интенциональное, зависящее от намерений говорящего и возникающее при употреблении выражений в актуальном коммуникативном контексте (Grice, 1989). По Грайсу, именно субъективное интенциональное содержание имеет фундаментальный статус в языке. Объективное значение производно, оно формируется при историческом развитии языка в результате конвенциональной стабилизации субъективных интенциональных содержаний.

Широкой известностью пользуются исследования американского философа и лингвиста Дж. Серля, имя которого обыкновенно связывают с теорией речевых актов. В терминах этой теории понятие интенции соотносится с понятием иллокуции, воплощающей коммуникативное намерение говорящего (Новое в зарубежной..., 1986; Searle, 1983). Речевой акт, по Серлю, не ограничивается буквальным смыслом сказанного, коммуникативное значение обуславливается конвенцией и иллокуцией (Searle, 1969). Конвенция определяет значение, общее для всех носителей языка, а иллокуция — это то, что говорящий хочет реализовать в разговоре, его намерение в данный момент времени. В высказывании выделяются функциональные уровни: уровень пропозиции — указание на объекты мира и утверждения о них, уровень иллокуции, предполагающий выражение комму-

никативного намерения, и уровень перлокуции, т. е. осуществление воздействия. Серль отмечает, что механизм образования коммуникативного смысла речи функционирует в пределах иллокуции. Названо примерное число иллокуций — более тысячи, в том числе «констатировать», «утверждать», «командовать», «просить», «критиковать» и т. п. Иллокутивные акты понимаются как конститутивные правила. Они предписывают определенное поведение: так, обещание налагает на говорящего известное обязательство, в противном случае — это не обещание, хотя соответствующая лексика может быть использована («Я обещаю завтра дождь»).

Исследования данного направления акцентировали роль интенционального содержания в функционировании языка, дав важный импульс разработке подходов прагмалингвистики (Дж. Лич, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф и др.). Были сформулированы имплицитные конвенциональные правила, согласно которым реализуются просьбы, приказы, обещания, и рассмотрена связь проявляющегося в речи намерения говорящего с представлениями о партнере общения, его интересами и пр. Вопрос производства и понимания речи был выведен на акциональный уровень, тогда как традиционно в качестве основной функции высказываний постулировалось описание положения вещей и утверждение фактов.

Вместе с тем теорию речевых актов и связанные с ней исследования критикуют за чрезмерную теоретичность, ориентацию на изолированные высказывания и данные мысленного эксперимента. Если от отдельных высказываний переходить к дискурсу, невозможно ограничиться перечнем стандартных актов, выделение которых оказывается во многом формальным и произвольным. В естественном дискурсе более релевантными оказываются нередко иные речевые акты, нежели те, которые с позиций данной теории выделяются и анализируются. Кроме того, поскольку речевые акты рассматриваются как дискретные единицы, служащие выражению определенного интенционального состояния говорящего, в стороне остаются вопросы, относящиеся к процессуальной стороне речевого общения: Как отдельные выражаемые в речи намерения соотносятся между собой? Каким образом они вплетаются в общий контекст разговора и структуру деятельности? Как координируются интенциональные акты коммуникативных партнеров?

Эти вопросы находятся в центре внимания психологического подхода к изучению речевых интенций, получившего известность как *интент-анализ* (Павлова, 2003; Павлова, Гребенщикова, 2017; Слово в действии..., 2000; и мн. др.). Интент-анализ включает в рассмотре-

ние коммуникативный, социально-психологический и социокультурный контекст, увеличивает объем единиц анализа, что позволяет исследовать материалы естественной речевой коммуникации. Характеризуются не только типовые, но и другие интенции (в том числе неосознаваемые), которые воспринимаются партнерами и составляют психологическую реальность коммуникации.

Начальные опыты интент-анализа касались текстов конфликтного характера, выступлений политиков в условиях предвыборной борьбы (Павлова, 2000; Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1995). В дальнейшем получили развитие исследования интенциональной структуры массмедийного дискурса (телебеседы, ток-шоу, интерактивные радиoprogramмы и др.) и сопряженных с интенциями коммуникантов приемов воздействия (Григорьева, 2012; Григорьева, Павлова, 2012; Павлова, 1998; Павлова, Вахитова, 2009). Большое внимание уделялось повседневному дискурсу, который по многообразию форм может соперничать с медийным, — дискурсу семьи, неформального общения сослуживцев, повседневной студенческой коммуникации и др. (Афиногенова, Павлова, 2016; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Зачесова и др., 2016). Разрабатывалась тема интенциональных механизмов диалогического взаимодействия, конверсативных тактик, формирующихся в ходе разговора (Афиногенова, Павлова 2015а, б; Гребенщикова, Павлова, 2017; Зачесова, Гребенщикова, 2013; Павлова, 2005). Специальные исследования посвящены особенностям интенционального содержания научного, педагогического и психотерапевтического дискурса (Воронин, Горюнова, 2011; Кубрак, 2007, 2009б; Кириллова, 2010; Дискурс в современном мире, 2011), пониманию интенций (Павлова, Зачесова, Гребенщикова, 2016; Павлова, Пескова, 2012; Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1998), проявлению в различных условиях коммуникации интенции самопрезентации субъекта (Кубрак, 2009а, б). Эти и другие работы заложили основы подхода и послужили развитию представлений об интенциональных основаниях речи и дискурса.

В методическом отношении интент-анализ в том виде, в котором он сложился к настоящему времени, выступает экспертным методом изучения речевого содержания, имеющим контекстный и комплексный характер (Гребенщикова, Павлова, 2015; Павлова, Гребенщикова, 2017). Экспертная оценка интенций служит достижению объективности исследования. При анализе интенций важна квалификация оценивающих субъектов, применяются методы шкалирования, привлекаются сторонние эксперты. Вторая черта интент-анализа — его

контекстность — означает, что в оценке интенционального содержания речи учитываются условия ситуации, параметры социального и культурного контекста (роли коммуникантов, их статус, межличностные отношения и др.). Третья характеристика указывает на то, что интент-анализ реализуется в несколько этапов — от разработки категориального аппарата исследования и его проверки до подсчета частот проявления интенциональных категорий и другой статистической обработки. Кроме того, комплексность метода определяется рассмотрением не только вербальной составляющей речи, но и ее невербальных компонентов (интонационные характеристики, паузы, гезитации и др.).

Интент-анализ о речевых интенциях субъекта

С позиций интент-анализа понятие интенции выступает основополагающим для изучения речезыковых явлений. В речевом процессе исходным является иницирующий импульс, интенция высказать нечто, проявляющаяся уже в раннем возрасте и имеющая органическую природу (Ушакова, 1998). Речь выражает лежащее в ее основе семантическое (Т. Н. Ушакова) или интенциональное состояние (Дж. Серль) — состояние сознания говорящего, имманентной чертой которого выступает соотносительность с миром, направленность на предмет. В субъективном плане это внутреннее психологическое состояние представляет собой «смыслы». У взрослого человека субъективные смыслы организуются в соответствии с правилами языка и проявляются в производимой речи (Слово в действии..., 2000; Ушакова, 1998, 2011).

Выступая необходимой основой речи, интенции образуют и значительную часть ее психологического содержания. *Интенциональное содержание речи* непосредственно связано с целями деятельности, желаниями, нуждами, предпочтениями субъекта. Интенции обнаруживаются, с одной стороны, в том, о каких предметах человек высказывается, на что направлено его сознание: на себя, на партнера общения, на окружающую действительность. С другой стороны, важно, как именно об этих предметах говорится, зачем, собственно, нечто сказано. При этом наряду с типовыми намерениями (предложение, просьба, приказ) в речи реализуются многие другие интенции — выразить отношение, избежать ответственности, осуществить самопрезентацию и пр. (Дискурс в современном..., 2011; Павлова, 2000; Слово в действии..., 2000; и др.). Интенциональное содержание речи многогранно и как всякое содержание в принципе неисчерпаемо.

Речевые интенции могут быть не только осознаваемыми, но и неосознанными. Они различаются также по своей психологической глубине. Отчетливо выраженные «ближайшие» интенции делают возможным понимание говорящего собеседником и составляют психологическую реальность коммуникации; такие интенции часто осознанно манифестируются субъектом. «Глубинные» интенции, в том числе неосознанные и намеренно вуалируемые, нередко могут быть выявлены лишь в результате специального анализа. Речевые интенции имеют устойчивый или, напротив, преходящий характер. Некоторые из них, чрезвычайно важные в организации разговора, возникают непосредственно в ходе интеракции, в соответствии с шагами, предпринятыми партнером общения (уточнить понимание – пояснить; привлечь внимание – обозначить включенность в разговор). Другие интенции формируются в связи с практическими нуждами, профессиональной деятельностью и пр. (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2007; Павлова, 2000; Павлова, Афиногенова, 2015).

Интенции речи многообразны и могут быть типологизированы по множеству оснований (Павлова, Гребенщикова, 2014). Неразрывно связанные как с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами субъекта, так и с его включенностью в практическую жизненную деятельность, они во многом определяют речевое содержание и его понимание собеседником.

Важно подчеркнуть, что роль речи не сводится к реализации отдельных интенций субъекта («Я требую...» и т. п.). Интенции, проявляющиеся в речи, обычно скоординированы между собой. Формируется *иерархическая интенциональная структура*, нередко достаточно сложная. Помимо ведущих, или целевых интенциональных направленностей дискурса, которые соответствуют основным задачам общения, выделяются их составляющие, а также набор конкретных частных интенций, определяющих функциональную специфику ведущих направленностей (Гребенщикова, Зачесова, 2014; Кубрак, 2009; Павлова, 2000; и др.). Так, интенции «поинтересоваться» и «поболтать» объединяет фатическая направленность на поддержание отношений с партнером; интенции «побудить к действиям», «внушить уверенность», «воодушевить» составляют направленность на активизацию слушателя. Ведущие интенциональные направленности, в свою очередь, образуют иерархию. Например, в предвыборном дискурсе направленность на агитацию слушателя соответствует глобальной или целевой интенции (по Т. ван Дейку): направленности на выигрышную самопрезентацию, дискредитацию оппонента, анализ действительности, формируя определенную

картину мира, обеспечивают оказание агитационного воздействия (Павлова, 2000).

При этом обнаруживается особая роль направленности субъекта на адресата, *диалогических интенций*, которые у взрослого говорящего выступают постоянной компонентой интенционального содержания речи (Павлова, 2000; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Человек говорит, желая выразить нечто, и, чтобы сказанное было адекватно воспринято, он должен принимать в расчет адресата, в том числе при опосредованной коммуникации адресата отсутствующего, а в некоторых ситуациях – и воображаемого. Если исключить патологию и специальные моменты речевого онтогенеза, субъект направлен на адресата, по крайней мере, в том отношении, что стремится быть правильно понятым. К тому же, поскольку речь включена в социальную практику, диалогические интенции регулярно приобретают более специализированный характер: говорящий стремится убедить, побудить к действиям, выразить (вызвать) отношение, предупредить и т. д.

Способы выражения диалогических и других интенций субъекта чрезвычайно разнообразны. Наряду с открытым проявлением, когда интенция прямо обозначается, к примеру, соответствующим глаголом («обещаю помочь»), широко используются различные способы косвенного, неявного выражения, в которых важны не столько языковые и невербальные средства, сколько условия коммуникации, психологические предпосылки и пр. (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональная выразительность речи огромна. Можно сказать: «На улице мороз», – и в соответствующем контексте это прозвучит как предложение одеться потеплее, выразит заботу. Однако неявная передача интенций может создавать расплывчатость содержания, допускающего различную интерпретацию. Эта неопределенность принципиальна в коммуникации. Позволяя вносить уточнения, подготавливая действия, она выступает предпосылкой тактичного ведения разговора.

При этом, поскольку подлежащие выражению интенциональные состояния континуальны, речевые высказывания оказываются соотношенными не с какой-либо одной, а с множеством интенций, находящихся в той или иной связи. Некоторые из этих интенций выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер, какие-то интенции отчетливо осознаются субъектом, другие могут не рефлексироваться. Высказывания в дискурсе за немногими исключениями полиинтенциональны, и вопрос о том, реализации каких намерений он в первую очередь служит, нередко далеко не очевиден (Дискурс в современном..., 2011).

Несмотря на неоднозначность речевой передачи, *интенции субъекта*, как правило, *понимаются адресатом*. Обнаруживается, однако, некоторая размытость их квалификации: смешение близких категорий, неразличение частных интенций и пр. (Слово в действии..., 2000; Ушакова и др., 1998). Косвенно выраженные интенции понимаются хуже, чем манифестируемые явно. Имеет значение и развернутость выражения: чем в большем объеме речевого материала проявляется интенция, тем надежнее она квалифицируется (Павлова, Пескова, 2012). В естественных условиях диалога наиболее значимым фактором понимания интенционального содержания выступает включенность в коммуникацию — адресат соотносит высказывания с ситуацией, партнером общения, задает уточняющие вопросы (Афиногенова, Павлова, 2015; Павлова и др., 2016).

Непонимание речевых интенций может иметь характер добросовестного заблуждения и определяться факторами объективного плана: ситуативными помехами, различиями в запасе имеющихся у коммуникантов знаний, недостаточной выявленностью интенции (Дискурс в современном..., 2011). Вместе с тем возможны случаи коммуникативного противодействия, даже «коммуникативного саботажа» (Горелов, Седов, 2004), которые связаны с позициями партнеров общения. Если добросовестное заблуждение влечет за собой корректирующие реплики и уточняющие вопросы, свидетельствующие о стремлении понять собеседника, то в ситуации «субъективно-непонимания» обычны различные тактики ухода от ответа, такие как затягивание разговора, предложение новой темы и пр. (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2012). Это находит отражение в рассогласовании реплик, приводит к сбоям в течение разговора, а в отдельных случаях и к коммуникативным провалам. Обычно, однако, диалог продолжается, хотя может менять линию своего развития (Афиногенова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Гребенщикова, Павлова, 2017).

Стоит отметить, что если для слушающего форма выражения интенций является объективным фактором, могущим затруднять понимание, то в перспективе говорящего это фактор субъективного плана, позволяющий в своих целях разворачивать обсуждение. Варьируя формы выражения, коммуникант может вуалировать одни интенции и выдвигать на первый план и акцентировать другие. Для более яркой демонстрации интенции используются специальные выразительные средства: экспрессивная лексика, повторы, метафоры и др. (Алексеев, 2016; Павлова и др., 2016; Павлова, Пескова, 2012).

Процессы выражения и распознавания интенций выступают как важнейшая составляющая речевого общения, необходимая *основа взаимопонимания, координации действий, достижения целей коммуникантов*.

В условиях непосредственного взаимодействия речевая передача интенций включается в *процесс согласования реплик коммуникативных партнеров*. В ходе взаимодействия формируются *интенциональные паттерны*, в которых находит отражение иницирующая интенция и отклик партнера на ее проявление, имеющий подтверждающий или отклоняющий характер (Гребенщикова, Зачесова, 2012; Афиногенова, Павлова 2015; Павлова и др., 2017). В наиболее частом варианте интенциональный паттерн предполагает соотнесение иницирующей и ответной интенции по типу «один к одному»: «предложить — отклонить предложение», «пожаловаться — посочувствовать». Менее частотны паттерны, отражающие совмещенный (единый) отклик собеседника на несколько проявленных интенций: «поинтересоваться, выразить удивление — рассказать», «уточнить понимание, информировать — дать указание». Третий вариант интенциональных паттернов содержит множественный отклик на иницирующую интенцию: «выразить возмущение — оправдаться, дать обещание», «уточнить — пояснить, предложить». Составляющие такого паттерна взаимодействия могут не соседствовать друг с другом непосредственно и реализоваться разными участниками диалога (Афиногенова, 2015; Афиногенова, Павлова, 2015).

В целом интенциональная координация реплик предполагает четыре типовые *формы реагирования на речевые интенции субъекта*: безотлагательное, отсроченное, совмещенное и множественное (Афиногенова, 2015). Безотлагательное реагирование характерно для таких категорий интенций, как «предположить», «сообщить», «поинтересоваться», «запросить информацию». Отсроченный отклик реализуется спустя несколько реплик и чаще всего связан с включением во взаимодействие трех и более собеседников, однако он может проявляться и в связи с уточняющими репликами, полиинтенциональной репликой, перебиванием партнера. При совмещенном реагировании на реплику ответ собеседника относится одновременно к нескольким выраженным интенциям, некоторые из которых (как правило, более частные) самостоятельного отклика не вызывают. Множественный отклик предполагает безотлагательное и вместе с тем отсроченное реагирование на проявление интенции, что типично для диалога с участием нескольких лиц (Афиногенова, Павлова, 2015).

Хотя большая часть интенций, получающих речевое выражение, вызывает тот или иной отклик собеседников, некоторые из них релевантного ответа не находят. *Отсутствие отклика на интенциональный подтекст реплик* может определяться не только ситуативными помехами, но также конвенциональными и коммуникативными факторами (Павлова, 2005; Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2012; Афиногенова, 2015). Факторы конвенционального плана связаны с типом реализуемых интенций. Так, обязательного отклика не требуют интенции активного слушания («обозначить понимание», «подтвердить») и «этикетные» интенции («поблагодарить», «поприветствовать» и др.). Преобладающими, однако, могут быть случаи коммуникативного плана, которые характеризуются субъективным игнорированием проявленных интенций, позволяющим влиять на ход разговора. Подобные случаи нередко выступают признаком коммуникативной инициативы, замены ожидаемого отклика, «иллокутивно вынужденного речевого акта» (Баранов, Крейдлин, 1997), на независимый, совершение которого определяется интенциями самого говорящего. Если с позиций теории речевых актов диалог сводится к упорядоченной смене речевых актов, то исследования в русле интент-анализа акцентируют активную роль субъектов общения. Они показывают, что механизм интенционального согласования реплик отличается гибкостью. Это проявляется не только в вариативности ответного отклика партнера, но и в случаях ухода от ответа — коммуникативного противодействия, служащего развитию новой линии диалога (Гребенщикова, Зачесова, 2012; Павлова и др., 2017).

Общая интенциональная структура взаимодействия, которая может иметь линейный или разветвленный характер, отражает варианты координации реплик партнеров. При линейной структуре взаимодействия реализуемые интенции соотносятся последовательно в рамках одной интенциональной линии. При разветвленной структуре развиваются несколько интенциональных линий: некоторые проявленные интенции получают отклик безотлагательно, к другим партнер возвращается позже (отсроченно/множественно). При этом возможно включение фрагментов узловой структуры, которая предполагает соотносительность «ответных» интенций собеседника с одной общей иницирующей интенцией (Афиногенова, 2015; Гребенщикова, Зачесова 2014; Павлова, Афиногенова, 2014).

Последовательность интенциональных паттернов формирует конверсативную тактику, при реализации которой интенции, выражаемые коммуникантом, задают варианты ответа партнеру, вынуждая его к действию, изменению представления, оценки (Гребенщикова,

2012; Гребенщикова, Павлова, 2017). В повседневном дискурсе реализуются, к примеру, следующие конверсативные тактики: «побудить к обсуждению — поддержать обсуждение — изменить мнение — уклониться от обсуждения» или «побудить к обсуждению — поддержать обсуждение — изменить мнение (собеседника) — изменить мнение» (Гребенщикова, Зачесова, 2014). Тактика может быть расширена частными интенциями, включать элементы самопрезентации. Возможны и очень простые тактики: серия однотипных ходов (упреков, запросов), повторение одного и того же хода без изменений, например, в форме так называемого «канюченья» (Иссерс, 2008). У каждого из коммуникантов есть возможность выстраивания своей линии взаимодействия в зависимости от возникающих эффектов (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Границы тактики могут определяться сменой темы, достижением конкретного результата, желанием коммуникантов завершить диалог. Выбор конверсативной тактики зависит от точки зрения говорящего на обсуждаемую проблему, его оценки текущей ситуации общения и особенностей реагирования собеседника. В пределах одного диалога партнеры могут меняться ролями «ведущий»/«ведомый», более того, навязывать их друг другу.

Вместе с тем интенции, проявляющиеся в речи, во многом определяются ситуацией, в которой осуществляется коммуникация. Так, в условиях предвыборной борьбы выступления политиков направлены на то, чтобы воодушевить, консолидировать, предостеречь, стимулировать избирателей к действиям, дискредитировать политического противника. Эти и другие интенции, свойственные предвыборной ситуации, формируют целостное *интенциональное пространство* данного вида *дискурса* (Павлова и др., 2007). Другие виды дискурса — семейный, научный, консультационный — имеют свои интенциональные характеристики и свое интенциональное пространство (Гребенщикова, 2012; Дискурс в современном..., 2011; Кубрак, 2009). Так, для дискурса психологического консультирования характерны направленности клиента на получение помощи, самооправдание, обвинение, позитивную самохарактеризацию (Кубрак, 2007, 2009а). В числе ведущих интенциональных направленностей повседневного семейного дискурса: побуждение партнера к обсуждению или действию, изменение мнения/представления партнера, поддержание отношений и вместе с тем выступление против партнера, уклонение от обсуждения, предписания (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2014). Для повседневного дискурса в студенческой среде выступление против партнера нехарактерно, отмечает-

ся значительная выраженность направленностей выразить отношение/состояние и проявить или охарактеризовать себя, что указывает на повышенную экспрессивность этой формы дискурса и свойственную возрасту потребность заявить о себе (Афиногенова, 2015).

Интенциональное пространство дискурса составляет его психологическую основу. Оно во многом определяет характер дискурса: используемые средства и способы выражения, протекание речевого взаимодействия, круг обсуждаемых тем (Дискурс в современном..., 2011).

Существует *связь между актуальными интенциями коммуникантов и используемыми приемами оказания воздействия*: при наличии интенции или определенной их совокупности с высокой вероятностью реализуется конкретный прием дискурсивного воздействия (Григорьева, 2012; Григорьева, Павлова, 2012). Например, в соответствии с полученными данными можно утверждать, что, если в речи присутствуют интенции обвинения и критики оппонента, будет использован прием употребления экспрессивных слов. Прием детализации описания связан с направленностью субъекта на анализ ситуации и самооправдание, которым может сопутствовать направленность на выигрышную самопрезентацию. Наиболее характерным интенциональным комплексом, определяющим употребление приема максимизации, является сочетание интенций анализа ситуации и демонстрации ее негативных сторон (Григорьева, Павлова, 2012; Гребенщикова, Павлова, 2017).

Влияние на дискурс многообразных психосоциальных переменных опосредовано актуализирующимися в соответствующих условиях интенциями коммуникантов. Интенциональное пространство составляет психологическую основу дискурса и выступает ведущей детерминантой, обуславливающей его специфику в различных социальных контекстах.

Заключение

Речь традиционно исследовалась в психологии в рамках проблемы ее взаимоотношения с мышлением. При этом в первую очередь акцентировался аспект содержания, который сопряжен с выражением суждений, отображением в слове явлений действительности. То, что речь — это действие, служащее реализации определенных коммуникативных задач, выражению желаний и нужд человека, упускалось из виду. Выявляя речевые интенции, неразрывно связанные с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами субъекта и вместе с тем с его практической деятельностью, интент-анализ

раскрывает эту сторону речевого содержания. С теоретических позиций, изложенных в статье, интенции субъектов общения представляют собой одну из важнейших детерминант формирования и организации дискурса. Они составляют его психологическую основу и во многом определяют, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией.

Представленные исследования свидетельствуют о перспективности интенционального подхода, выявляющего глубинные психологические основания речи, те актуальные смыслы, которые переживаются собеседниками и направляют их действия в ходе общения.

Литература

- Алексеев К. И. Воздействие метафоры в научном психологическом дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 162–171.
- Алмаев Н. А. Элементы психологической теории значения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Афиногенова В. А. Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2015.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
- Афиногенова В. А., Павлова Н. Д. Интенциональные категории повседневного дискурса в студенческой среде // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 102–127.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 84–100.
- Воронин А. Н., Горюнова Н. Б. Специфика научного дискурса в исследованиях познавательных способностей // К. И. Алексеев и др. Дискурс в современном мире. Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 219–237.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2004.
- Гребенщикова Т. А. Интенциональная организация семейного дискурса: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.

- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Интенциональный аспект взаимодействия в семейном диалоге // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 106–114.
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса. Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Интен-анализ и другие методы исследования речи в психологии // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 4. С. 56–63.
- Гребенщикова Т. А., Павлова Н. Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 18–31.
- Григорьева А. А.* Интенциональные основания психологического воздействия в дискурсе: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Григорьева А. А., Павлова Н. Д.* Взаимосвязь интенциональных характеристик масс-медийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 163–179.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А.* Отношения доминирования-подчинения собеседников в повседневном диалоге в разных коммуникативных ситуациях // Человек, субъект, личность в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. Т. 1. С. 309–312.
- Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А.* Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 27–50.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Кириллова Е. И.* Интен-анализ психотерапевтической речи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Кириллова Е. И., Орлов А. Б.* Интен-анализ психотерапевтической речи К. Роджерса. Случаи Герберта, Глории и Джен // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 4. С. 134–165.
- «Интенция» как психологическая и психолингвистическая категория*
- Кубрак Т. А.* Интенциональная модель психотерапевтического дискурса // Языковое сознание: парадигмы исследований / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга, 2007. С. 284–297.
- Кубрак Т. А.* Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2009а.
- Кубрак Т. А.* Интенция самопрезентации в научном дискурсе // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Серия «Психологические науки». 2009б. № 2. С. 23–30.
- Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов / Отв. ред. Б. Ю. Городецкой. М.: Прогресс, 1986.
- Павлова Н. Д.* Интен-анализ телеинтервью // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Институт языкознания, 1998. С. 87–100.
- Павлова Н. Д.* Коммуникативная функция речи: интенциональная и интерактивная составляющие: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2000.
- Павлова Н. Д.* Психология дискурса // Психология XXI века / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М., 2003. С. 396–414.
- Павлова Н. Д.* Подходы к анализу интерактивного аспекта дискурса // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–27.
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А.* Интенциональная структура речевого взаимодействия // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 35. С. 2 (дата обращения: 21.08.2016).
- Павлова Н. Д., Афиногенова В. А., Гребенщикова Т. А.* Речевое взаимодействие в неформальном повседневном дискурсе: интенциональный аспект // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 41–54.
- Павлова Н. Д., Вахитова Л. М.* Диалог в интерактивных радиопрограммах // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2009. № 5. С. 49–55.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* О типологии речевых интенций в дискурсе // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2014. № 16. С. 135–143.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интен-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Павлова Н. Д., Григорьева А. А., Пескова Е. А.* Психолінгвістика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса // Общение и познание / Под ред. В. А. Барабанщикова и Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 353–373.

- Павлова Н. Д., Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А. Понимание интенций собеседника в процессе диалога // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 13–26.
- Павлова Н. Д., Пескова Е. А. Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. № 2. С. 74–82.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.
- Ушакова Т. Н. Природные основания речезыковой способности ребенка (Анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Изд-во «Институт языкознания», 1998. С. 7–23.
- Ушакова Т. Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ушакова Т. Н., Латынов В. В., Павлова А. А., Павлова Н. Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. М.: ИЦ «Академия», Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И. Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 98–109.
- Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
- Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Searle J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge university press, 1983.

Дискурсивные способности: конструкт, эмпирические исследования, направления развития

А. Н. Воронин

В современной психологии способностей одновременно сосуществует несколько парадигм исследования, описывающих и раскрывающих понятие «способность»: феноменологическая, деятельностная, психометрическая, системная (Воронин, Горюнова, 2011). Но в любой из этих парадигм смысловым «окружением» понятия способности является другое понятие – «деятельность». Способности определяют эффективность деятельности, в ней развиваются и совершенствуются. Эта традиция прослеживается с работ Ф. Гальтона, предложившего рассматривать способности как некоторые свойства психики, которые отличают людей друг от друга и позволяют объяснить их творческие достижения (Galton, 1883); продолжается Б. М. Тепловым, давшим наиболее популярное в нашей стране определение способностей как индивидуально-психологических особенностей, определяющих успешность выполнения деятельности и легкость ее освоения, но не сводимых к знаниям, умениям и навыкам (Теплов, 1989). В полной мере данная традиция представлена в рамках системной парадигмы В. Д. Шадрикова, предложившего рассматривать способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности (Шадриков, 1994).